

**Отзыв
официального оппонента о диссертации
Елены Владимировны Панкратовой**

**«Литературная стратегия самиздатского журнала “Часы”: концепция
независимой литературы», представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

по специальности 10.01.01 – русская литература

«Советский период» в отечественной литературе занимает большую часть прошлого века, а если брать в расчет время вызревания концепции соцреализма и его «послевкусие», то речь идет о целом столетии. Советская эпоха завершена, и настала пора писать ее историю, сводя вместе искусственно разрозненные ветви литературного процесса, осмысливая их сложную целостность и определяя новую иерархию имен.

Вот почему актуальность представленной к защите диссертации не вызывает сомнений: посвященная концепции неофициальной литературы – наименее изученной составляющей литературного процесса «советского периода», работа Елены Владимировны Панкратовой восполняет пробел в истории отечественной словесности. Диссидентка выбрала для своего исследования один из самых мощных очагов независимого искусства – ленинградский, а в центре ее внимания оказался авторитетнейший орган самиздата – журнал «Часы», существовавший без малого полтора десятка лет (1976-1990) и своей идеологией во многом определивший саму концепцию неофициального искусства. Литературная стратегия журнала как «ключ» к идеологии самиздата – в фокусе настоящей работы.

Объектом для заключений автора послужил весь корпус текстов журнала – 80 выпусков. Поскольку речь идет о продукции самиздата – малотиражной и малодоступной, то можно с уверенностью констатировать ценность настоящей работы еще и как способ введения в научный оборот этого ценнейшего материала.

Структура представленной к защите работы подчинена поставленным задачам.

Во Введении обозначаются необходимые исследовательские позиции: актуальность, цели, задачи, апробация работы, ее методология и степень научной разработанности. Кстати, характеризуя последнюю, Елена Владимировна, по сути, дает подробнейший обзор существующего на сегодняшний день состояния дел в изучении советского андеграунда – и с точки зрения архивов, источников, и как часть современного литературоведения, включая сюда не только публикации и диссертационные исследования (работы В. Долинина, А. Житенёва, Э. Лиго, М. Саббатини, С. Савицкого, Д. Северюхина и др.), но и конференции по неподцензурной словесности. В этом смысле Введение к диссертации может служить своеобразным «навигатором по самиздату». Здесь же мотивируется прицельное внимание докторантки к прозе на страницах «Часов» (как наименее исследованной части самиздатовского наследия) и к теоретическим работам главного редактора журнала Б. Иванова (как идейной и философской основе неофициального искусства).

Выбранная докторанткой методология подразумевает сочетание методов из разных областей гуманитарного знания. В качестве основных подходов декларируются историко-литературный и сравнительно-типологический, что позволяет обеспечить приоритет литературоведческого начала.

Кроме того, как заявлено во Введении, привлекаются «приемы интерпретационной теории В. Изера» (С. 17). Можно поспорить с такой минимализацией «вклада» рецептивной эстетики в настоящую работу и пополнить список методологических авторитетов другими именами (Р. Ингардена, Х.-Р. Яусса и др.), поскольку в работах представителей этой школы обосновывается ряд положений, повлиявших на важнейший вывод докторантки, который вполне мог бы быть включен ею в число выносимых на защиту. А именно: в той исторической ситуации, когда создавались самиздатовские тексты, они становились явлениями «второй культуры», противопоставленной официальной, лишь в творческих установках творца и в акте восприятия – причем

и авторами, и читателями, и цензурой / властью (об этом, в частности, идет речь на С. 72, С. 94, С. 155). Следует отметить, что реконструкция советского контекста, столь важного для рецепции и интерпретации неподцензурных произведений, занимает важное место в диссертации.

Столь же важной частью исследования является ее социологическая составляющая. 70-е годы в советской культуре – время слома парадигмы, когда художественная словесность сложным образом взаимодействовала с внешними идеологическими рядами. Поэтому совершенно оправданна методологическая опора докторантки на исследования в области социологии – теории анализа литературного поля (П. Бурдье) и механизмов развития отечественной культуры в кризисное время (Л. Г. Ионин). Так, проецируя концепцию Бурдье на литературное самоопределение «Часов», автор усматривает в нем борьбу агента за границы элитарного субполя, а само противостояние «первой» и «второй культуры» интерпретирует как реализацию гетерономного и автономного принципов иерархизации внутри литературного поля.

Мысль Ю. Лотмана о принципиальной bipолярности любой культуры – еще одна теоретическая посылка, актуальная для автора этого исследования. Восходящие к трудам Ю. Лотмана и Б. Успенского идеи Л. Ионина о противопоставленности полистилистической постсоветской культуры культуре моностилистической советской «помогают» докторантке охарактеризовать литературный самиздат как некую целостность. Однако сложность проявлений «второй культуры» сопротивляется теории Ионина, и автору приходится признать, что ее можно счесть лишь «частным проявлением полистилистической культуры, возникшей в качестве противовеса моностилистической» (С. 109). Самое большое «сопротивление материала», не желающего укладываться в схему, – *тотализация* и *телеология* «второй культуры» (в терминах Ионина), оформляющейся, таким образом, по образу и подобию отторгаемой доктрины официального искусства. Закономерно, что это же парадоксальное схождение будет подтверждено во второй главе путем сопоставительного анализа философии Б. Иванова и идеологии соцреализма.

Работа состоит из трех глав, логически связанных между собой по принципу служения объекта анализа.

Первая глава посвящена истории зарождения самиздата в социально-историческом контексте и в свете культурной политики СССР, а также литературному самоопределению «второй культуры» на разных этапах ее существования (неудача вхождения в «официоз», история альманаха «Лепта» и др.). Ожидаемо глава открывается уточнением и систематизацией комплекса значений, входящих в понятие «самиздат», – действительно «безразмерного» и породившего множество синонимов. Автор подробнейшим образом разбирается в противоречивой картине признаков, функций и определений самиздата (самими представителями андеграунда, критиками и исследователями) и систематизирует их. Можно вообразить и иное основание для классификации многочисленных определений (например: «способ бытования текстов», «инакомыслие как мировоззрение», «социальная реализация (потаенность)»), однако и предложенная вполне приемлема.

Вторая глава представляет собой обстоятельный анализ машинописного журнала «Часы» – принципов издания, издательской политики и сопоставления концепции «неофициального культурного движения» Б. Иванова с теорией соцреализма. Диссидентка не разводит официальную и неофициальную философии культуры и общества «по разные стороны барьера» (в терминологии Иванова – как «природную парадигму» и «неприродную, искусственную») и даже усматривает в них нечто общее, например, утилитарность подхода к искусству, роль которого сводится в официозе к служению массам, а в андеграунде – к служению личности. Есть в исследовании и еще ряд парадоксальных наблюдений над двумя культурами, подтверждающих облеченнную в форму шутки мысль Довлатова о том, что «советское» и «антисоветское» – это почти одно и то же. Пожалуй, это парадоксальное сходжение не получило должного осмыслиения в диссертации.

Наконец, в третьей главе анализируется центральный конфликт в прозаических произведениях «Часов». Он интерпретируется Еленой

Владимировной как конфликт «героя и коллективного антагониста» и исследуется в свете литературно-критических взглядов Б. Иванова, в прямой связи с его концепцией независимой литературы, ставшей, как доказывает докторантка, «онтологическим обоснованием “неофициального культурного движения”» (С. 18).

Помимо уже отмеченных недостатков, отметим более концептуальные.

1. Логика исследовательской мысли в диссертации такова, что зарождение альтернативной литературы в 70-е годы – следствие фиаско при попытке стать частью официальной культуры. Однако не является ли противостояние «двух культур» в конкретной социально-исторической ситуации (позднесоветской) лишь проявлением универсального закона, согласно которому сосуществование – и борьба – двух типов культуры / сознания / литературы неизбежны? Не является ли история самиздата в СССР «частным сценарием» дискурсивного разлома, который, например, был ощутим в ситуации рубежа XIX – XX веков, когда новаторы-модернисты самоопределялись на фоне эстетически доминирующего реалистического искусства? Ведь слом парадигмы наблюдался и тогда, что проявлялось, например, в отсутствии у критиков-традиционалистов эстетических критериев для восприятия текстов «нового искусства» – и они (иногда не сдерживая своих негативных оценок) просто пересказывали в своих статьях фабулы модернистских произведений. Речь идет не о способах трансляции текстов, а именно об эстетике. По Б. Иванову, кстати, такая параллель тоже возможна («Теория Б. Иванова предполагает универсальность деления общества на два типа и не ограничивается конкретной исторической ситуацией» (С. 136)), как очевидно и его стремление ввести неподцензурную литературу в контекст мировой истории культуры и отечественной традиции (о творчестве Ф. Достоевского, Л. Толстого, И. Тургенева, Н. Лескова («По ту сторону официальности»)). В работе ощущимо «описательное», «герметичное» начало.

2. Противопоставляя идеологию «неофициального движения» доктрине соцреализма, следует учитывать, что она тоже не была застывшей, а менялась вместе с социально-политическим климатом (дискуссии о соцреализме 50-х гг.,

концепция «соцреализма без берегов»), не говоря уже о том, что как художественное явление соцреализм намного шире официальной теоретической доктрины. Граница между «официальным» и «неофициальным», как ясно из самой работы, весьма условна и определяется особенностью рецепции. Кроме того, из работ Б. Иванова очевидно родство многих его идей с идеями соцреализма. Культ «природного» заявляет о себе одновременно и в прозе андеграунда, и во вполне «легальной» прозе «деревенщиков». Можно ли в таком случае говорить о некой особости самиздатовской эстетики? В частности, высказывание Б. Иванова о реализме приложимо к целому ряду художественных явлений разных эпох: «Адекватность искусства экзистенциальному опыту художника – это и есть основа основ реализма» (Реализм и личность // Часы. 1982. № 36. Цитируется на С. 292 диссертации). Идеи Иванова тоже должны быть осмыслены в более широком, но уже философском, контексте – например, бергсонианства. Это, несомненно, расширит возможности для заключений.

3. Представленный в третьей главе анализ прозы Б. Дышленко как репрезентативного «часовщика», чье творчество отражает «в художественной форме философскую концепцию “неофициального движения”» (С. 219-220), подтверждает сказанное. А именно: конфликт героя и «коллективного антагониста» не является специфически «самиздатовским» – он присутствует и в текстах соцреалистических, и вообще распространен в литературе XX века, причем самой разной художественной ориентации (вспомним «героев-социопатов» Кафки, Набокова, Сэлинджера, Кизи и др.). Более того, этот конфликт весьма обычен в некоторых жанровых модификациях, например, в антиутопиях.

Высказанные замечания, хотя и имеют принципиальный характер, не снижают научной ценности проделанной диссидентской работы.

Как представляется, по-настоящему эвристическим потенциалом для понимания литературы прошлого столетия могут обладать на сегодняшний день лишь исследования, подобные этому – выявляющие разнообразие векторов развития культуры, точки схождения, отталкивания и взаимовлияния

«официального» и «неофициального искусства», уже ставших историей. Елене Владимировне Панкратовой удалось научно обосновать вынесенные на защиту положения (С. 18), добиться поставленной цели и решить сопутствующие задачи (С. 15-16). Теоретическая и практическая значимость рецензируемой диссертации не вызывает сомнений. В автореферате адекватно излагаются основное содержание работы, основные положения которой полностью представлены в публикациях, в том числе в журналах, входящих в список ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Рецензируемая диссертация полностью соответствует положению «О порядке присуждения ученых степеней» (утверждено постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года, № 842), а ее автор Елена Владимировна Панкрадова заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Доктор филологических наук,
доцент,
профессор кафедры рекламы и
связей с общественностью

ФГБОУ ВО «Санкт-
Петербургский
государственный университет
промышленных технологий и
дизайна»

3.10.2019

Галина Николаевна Боева

Боева Галина Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна»
Санкт-Петербург, 197101, ул. Мира, д. 7, кв. 33; тел. 8-905-2273379; e-mail: g_boeva@rambler.ru